

Рецензия на выпускную квалификационную работу
Марии Александровны Пономаревой
«Фитонимы и зоонимы в литовских и латышских фразеологизмах»

Работа М.А. Пономаревой посвящена исследованию фразеологизмов литовского и латышского языков с фитонимами и зоонимами в качестве стержневого компонента. Выбор темы весьма примечателен и удачен, так как выявляет интерес автора к области, выходящей за рамки овладения основной лексикой изучаемых языков, и одновременно к расширенному познанию культурно-лингвистического восприятия мира носителями названных близкородственных языков.

Работа основана на обширном материале из фразеологических словарей литовского и латышского языков, обработка которого потребовала значительного времени и много кропотливого труда. М.А. Пономарева проявляет хорошее знание литературы по фразеологии балтийских языков, в том числе и немногочисленных работ о фразеологизмах с фитонимами и зоонимами. Последний факт делает работу автора очень актуальной и нужной. В силу того, что в балтистике терия фразеологии мало разработана, автор опирается на развитую теорию фразеологии русского языка, что представляется вполне оправданным и уместным.

Квалификационная работа М.А. Пономаревой состоит из Введения, трех глав и Заключения и содержит список источников (три словаря) и научной литературы (27 единиц), а также приложения в виде четырех таблиц – списков изучаемых фитонимов и зоонимов. Объем работы – 86 страниц, что немало для квалификационной работы.

Во Введении автор кратко обосновывает выбор предмета исследования, актуальность сопоставительного анализа сегмента фразеологических систем двух балтийских языков в плане универсального и специфического, грамотно формулирует поставленные задачи и перечисляет используемые методы. Новизна работы заключается в достаточно полном рассмотрении литовских фразеологизмов с зоонимами и фитонимами в сопоставлении с латышскими «с целью выявления скрытых коннотаций» зоонимов и фитонимов в качестве ключевых слов. Наблюдения и выводы автора несомненно являются хорошей основой для дальнейшего изучения как избранного пласта фразеологизмов, так и других пластов.

В Главе 1 автор адекватно определяет объект исследования на основе обзора литературы и ряда теоретических вопросов, касающихся определения семантических признаков фразеологизмов.

Главы 2 и 3 посвящены фразеологическим единицам (ФЕ) с фитонимами и зоонимами соответственно. Производится подробное иерархическое деление («классификация») ФЕ по модели Н.Ю. Шведовой на лексические (в терминах автора лексико-семантические, что представляется неточным) группы и детальный анализ ФЕ в плане ключевых фитонимов и зоонимов, а также сопоставление литовских и латышских ФЕ, что выявляет совпадения и расхождения в толковании ФЕ с одинаковыми стержневыми словами обоих языков. Анализ выполнен крайне тщательно, и толкование фразеологизмов не вызывает сомнений. Автор проявляет прекрасное знание лексики как литовского, так и латышского языков, что отражается не только в объяснении ФЕ, но и, в особенности, в переводе подробных синтаксически сложных словарных объяснений латышских фразеологизмов. Замечена лишь одна языковая ошибка: на стр. 23 литовский фразеологизм *pirų pėdas* (муж.р., ед.ч.) ‘бобовый сноп’ с коннотацией малого размера понят как *pirų pėda* (жен.р., ед.ч.) ‘бобовый след’, что вполне объясняется сходством двух имен; можно посчитать опечаткой написание латышского фитонима *nātre* ‘крапива’ как *natre* на стр. 31, 33 при правильном написании в других случаях. В целом текст вычитан достаточно тщательно, опечатки, в основном пропуски букв, немногочисленны.

Из более существенных недочетов работы хочется обратить внимание на следующее.

Рассматриваемые в качестве фразеологизмов простые сравнения типа лит. *kaip krienas* 'как хрен' (стр. 22), лат. *kā magone* 'как мак' (стр. 29), лит. *kaip arklys* 'как лошадь' (стр. 56) лат. *kā vepris* 'как боров' (стр. 63-64) *всегда* следует давать в связке с определяемым прилагательным или глаголом (например, лит. *sveikas, piktas kaip krienas* 'здоровый, злой, как хрен', лат. *resns, slinks kā vepris* 'толстый, ленивый, как боров'), ибо коннотация с тем или иным свойством фитонима или зоонима зависит именно от определяемого слова, а вне этого сочетания фитоним или зооним имеет лишь потенцию к метафоризации. В таких случаях следует подчеркивать многозначность рассматриваемых единиц.

При фразеологизмах с каждым ключевым словом – фитонимом или зоонимом – иногда указывается в скобках количество – от одного, двух до восемнадцати и даже двадцати четырех (ср. стр. 28, 36). Например, в литовском выделено 24 ФЕ с лексемой 'полевица' и 3 ФЕ с тем же фитонимом в латышском. Скорее всего это относится к числу выделяемых ФЕ с данной единицей в словарях. Иначе говоря, должно быть точно указано, к чему относятся эти цифры. Если фразеологизмов с одним словом два, то следовало бы указать оба, если много, то несколько. На мой взгляд, число фразеологизмов с одной единицей должно совпадать с числом значений = толкований: если в литовском и латышском выделено по две ФЕ с фитонимом лит. *nendrė* 'тростник' и лат. *niedre* 'тростник' (стр. 34-35), то читатель ожидает по два примера, тогда как автор приводит ФЕ с одним значением для литовского 'пышный, как тростник', а для латышского – три: *niedre* 'тростник' как «маркер» (а) стройности, гибкости, (б) хрупкости и (в) непостоянства. В случае выделения 18 ФЕ с одним стержневым словом читатель ожидает увидеть такое же число употреблений.

На стр. 65 перепутаны объяснения и примеры характерных для сравнений с зоонимом *katē* 'кошка' значений (d), (e) и (f), где также следовало бы добавить определяемые слова.

Изучаемые фитонимы и зоонимы можно было бы рассматривать как концепты каждый с определенным набором коннотаций в изучаемых языках и соответственно подчеркивать зависимость «характерных особенностей», т.е. типов фразеологизмов с каждым стержневым словом и их сочетаемость с определяемым словом от его коннотаций.

В целом, однако, следует подчеркнуть, что значительная по объему и информативности выпускная квалификационная работа М.А. Пономаревой потребовала хорошего знания изучаемых языков, больших усилий по сбору и обработке обширного материала и освоению научной литературы, с чем автор успешно справился. Работа М.А. Пономаревой безусловно заслуживает самой положительной оценки.

Доктор филологических наук, профессор,
Ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН

Э.Ш. Генюшене

12.06.2018